

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Речь государственного обвинителя—прокурора Союза ССР товарища А. Я. Вышинского

(Продолжение. Начало на 2 стр.)

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими речами и лозунгами бухаринцы и троцкисты пытались обить лезвием партии с ленинского пути.

Даже на предварительном следствии в показаниях от 2 июня 1937 г. Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина, как главы советского государства.

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном объеме, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина, как главы советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убит Ленин, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым обвинением падали их слова на голову Бухарина, вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина — организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и восстания против советского государства, подстрекающего к убийству руководителей советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Вы помните здесь показания Камкова. Камков — один из виднейших руководителей ЦК партии «левых» эсеров. Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 году по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимала по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острейших формах, о том, что дебатировались в рядах «левых коммунистов» вопрос о свержении нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководители нового правительства и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Но Бухарин отрицается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличала здесь Яковлева, его изобличала здесь Осиновский, его изобличала здесь Манцев, его изобличала здесь Карелин.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более, что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы это факт — плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлеву, и Осиновскому, и Манцеву, людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой поворот и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины.

Бухарин признал, что он вместе со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его группой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилье, тем самым идут на убийство!

Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только подкупленным потому, что ему податься некуда, что в 1918 году Бухарин обильно советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Следствие установило, что в 1918 году Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осиновского.

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я прошу вас, товарищи судьи, в совещательной

комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего судебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Что спрашивают: об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?

«Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказывать действовать очень решительно?

Бухарин. Да.

Вывод из этого простой — предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство — Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут возникнуть обстоятельства и обстановки борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина как он говорил — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорив свержнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отворачивались и закрывались никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, т. е. быть ли советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть советской земле, которую как «формальную» они предлагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю: для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас через 20 лет после того, как совершено это преступление, мы не представляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщицкой деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против советской страны, против советской власти и против советского народа.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30 августа 1918 года. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 г. левым интеллигентом, как именно Бухариным. Карелин утверждал, что Прохоров докладывал об этом члену ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода пребывание «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК партии правых эсеров». Это чудовищное преступление — факт.

Осиновский показал со слов Стукова, что он, Стуков, был такого же мнения, имел такое же представление о преступлении 30 августа 1918 года.

В конце 1918 года Стуков, — показывал здесь Осиновский, который вместе с Бухариным был связан с эсерами, — сказал мне, что встретил, произведенный прямой эсеровой Фалей Каплан в Ленина, был совершен не

только по указанию руководства правых эсеров, но и явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком с физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова». (Том 44, л. д. 89).

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и негодяй.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история.

Здесь, на суде, он показал себя весь. Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к

Шпионы, изменники, реставраторы капитализма

Судебное следствие вскрыло и доказало с полной отчетливостью, что «право-троцкистский блок» представлял собой подлинную агентуру разведки некоторых иностранных государств, осуществляющих через этот блок, через эту заговорщицкую группу шпионаж, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокационное нападение этих государств на СССР, свержение существующего в СССР социалистического строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Установлено на этом следствии, что блок имел своих настоящих хозяев в лице Троцкого и иностранных разведок, что вся его преступная деятельность шла под непосредственным руководством и по плану, выработанному в генеральных штабах Японии, Германии и Польши.

Вот показания Чернова. Чернов связывается с полицией или через полицейского чиновника в Берлине с Обергаузом. Обергауз, говорит Чернов, сказал мне, что немецкая разведка принимает надлежащие меры для свержения советской власти. И дальше, обращаясь к Чернову, Обергауз говорит: «Вот вы считаете себя оппозицией в Советском Союзе, вам надо объединиться в организующую силу. Если вы хотите взять власть, то не стесняйтесь в методах борьбы». Говоря о методах борьбы, Обергауз предлагает запретить связь правых с немецкой разведкой. Он говорил о том, что вся организация правых может быть поставлена на службу целям немецкой разведки.

Здесь, на суде, на вопрос, кто был хозяевами, Чернов ответил: «Кроме Рыкова и немецкой разведки, — никого». Не ясно ли, что организация этого так называемого «право-троцкистского блока» была не чем иным, как экспонатурой некоторых разведок некоторых иностранных государств.

Подсудимый Шарангович здесь полностью подтвердил свою связь с генеральным штабом Польши. Он подтвердил, что, как глава местной белоруской буржуазно-националистической подпольной организации, он ставил своей задачей обескураживание интересов польской разведки и польского генерального штаба.

Основные цели этой организации? Сам Шарангович определил их кратко: свержение советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Для достижения этой цели, как он говорил, подчеркивалась необходимость установления тесной связи с польским генеральным штабом.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была по существу экспонатурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Баранова с немецкими фашистами еще в 1933 году, что немецкие фашисты относились, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Совершенно очевидно, что задача подготовки планарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками через «право-троцкистский блок», как перед прямой агентурой фашистских разведок.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мысл, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь, на процессе, метаться из стороны в сторо-

ну, нацупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным.

Крестинский признал, что уже в 1920—1921 гг. по указанию Троцкого, он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, шти которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский. Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем», — говорит он, — небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (т. е. Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территориями Советского Союза».

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, извращения и нечеловеческой подлости.

И говорит: «святое дело, братцы!» Так и Бухарин, — предательство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, извращения и нечеловеческой подлости.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, шти которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский. Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем», — говорит он, — небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (т. е. Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территориями Советского Союза».

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, извращения и нечеловеческой подлости.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была по существу экспонатурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Баранова с немецкими фашистами еще в 1933 году, что немецкие фашисты относились, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Совершенно очевидно, что задача подготовки планарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками через «право-троцкистский блок», как перед прямой агентурой фашистских разведок.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мысл, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь, на процессе, метаться из стороны в сторо-

ну, нацупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным.

Крестинский признал, что уже в 1920—1921 гг. по указанию Троцкого, он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, шти которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский. Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем», — говорит он, — небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (т. е. Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территориями Советского Союза».

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, извращения и нечеловеческой подлости.

как главаря «право-троцкистского блока», и в первую очередь Бухарин, угрожая ему принять все меры к тому, чтобы превратиться в подлинную агентуру иностранных разведок.

Московские главаря «право-троцкистского блока» информировали Икрамова о японско-германской, как они говорили, «ориентации», о связи с немцами и японцами. Во имя чего? Во имя той же задачи, которая так выпукло была изображена и Гринько и Крестинским.

Вторая встреча была посвящена обсуждению вопроса о вредительстве. Третья встреча была посвящена вопросу о связи с Англией. Об этом здесь очень подробно и полно говорил обвиняемый Ходжаев.

Что же говорил ему Бухарин? Он говорил, что надо ориентироваться на Англию, что если сейчас войны не будет, если скоро интервенция не будет, — нашему делу «кажут».

Бухарин, в сущности говоря, здесь не отрицал этого разговора. Это же подтвердил и другой обвиняемый — Ходжаев.

О том, каковы были эти взаимоотношения между иностранными разведками и блоком, можно судить по ряду фактов, с неопровержимостью установленных на настоящем судебном следствии.

Я напомню вам допрос подсудимого Рыкова. На вопрос о том, что представляла собой буржуазно-фашистская организация, действовавшая в Белоруссии под руководством Голодеда, Червякова и Шаранговича, Рыков должен был признать, что даже назначение сколько-нибудь крупного отдельного работников на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывалось с польской разведкой.

Я напомню вам показания подсудимого Иванова, который здесь уже говорил о том, что иногда участники блока не различали, где действуют правые, а где действует иностранная разведка, до такой степени все у них переплелось. Я напомню вам также и то, что, по словам Иванова, Бухарин рекомендовал ему связаться с английской разведкой. Бухарин говорил, что Англия имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении советской власти и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников в лесном хозяйстве Северного края.

Иванов показал, что Бухарин рекомендовал ему поставить дело таким образом, чтобы показать английской буржуазии, что правые охотно идут на удовлетворение всякого рода экономических и финансовых интересов этой буржуазии, рекомендовать выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой, — не потерять доверия.

Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, каков часто создавался противоречивое положение для «добросовестных» агентов иностранных разведок, каков выглядел этот унизительный старик, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых. Сам Раковский представляет такого специалиста, который служил одновременно и японской и английской разведкам и попадал вместе с Юреневым в «тяжелое» для них положение.

«Мы, — говорил здесь Раковский, — передавая слова Юренева, — очутились в таком переделе, что иногда не знаешь, как себя вести. Во-первых — как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведками...»

Тяжелое положение для разведки! Тяжелое положение для английского и японского шпиона.

В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за предательство, и не за диверсию, так как и вообще он в этом практическом делу имеет отношение не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов.

Когда Бухарину задают об этом вопрос: «Иначе говоря, была ориентация на помощь некоторых иностранных государств?», — он отвечал: «Да, это можно и так сказать». Он не хочет прямо сказать, а говорит, что «это можно и так сказать». Можно и нужно так сказать, ибо это соответствует действительности. На вопрос: «Иначе говоря, ориентация на подкачку СССР?», — Бухарин говорит, оставаясь верным своей гуманной советской эвклидистике: «В общем, суммарно, повторяю да».

(Продолжение на 4-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Речь государственного обвинителя — прокурора Союза ССР товарища А. Я. Вышинского

(Продолжение. Начало на 2, 3 стр.)

Бухарин вместе с Рыковым и Томским организовывали не путное дело, а дело серьезное, дело свержения советского правительства и советской власти, но стеснялись решительно никаких средств. Потерявши всякую опору внутри СССР, устремились все свои надежды на правительственное иностранное государство, они договорились с ним об открытии фронта, о совместном намерении разгромить советский народ, советское государство для того, чтобы путем измены пробраться к власти, которую в этот же момент они должны будут целиком, безраздельно и полностью отдать в руки фашистов, в руки своих настоящих хозяев.

Довольно играть словами! Довольно злословить, «филозофствовать»! Речь шла о государственном измене, о переходе на сторону врага, об открытии фронта, о поражении СССР, о разгроме нашего Отечества.

Все шпионская работа отдельных участников этого заговора на всех участках в целом направлялась Бухариным и Рыковым. Все шпионские сведения шли в соответствующие органы по каналам при помощи средств и связей, которые были в руках Рыкова, Бухарина, Ягоды и их соучастников.

Здесь, на суде, раскрылась в полной мере связь Рыкова, Бухарина и Ягоды с разведками ряда иностранных государств. Вместе с меньшевиками, с Давидом, с Б. П. Литвиновым, с эсерами, с Масловым, с заграничными иностранными разведками, вместе с агг्रेसорами они пытались свергнуть советскую власть и восстановить власть старого, матерого, стопроцентного капитализма, настоящего господства помещиков и фабрикантов.

Все эти вредительские, измены, предательства сменялись с систематическим обслуживанием иностранных разведок секретными сведениями и разного рода материалами. Крестинский, Розенгольц, Иванов, Шарангович, Чернов, Раковский, Ягода и другие систематически передавали иностранным разведкам тайны советского государства.

О систематическом обслуживании заговорщиков из «право-троцкистского блока» иностранными разведками мы имеем достоверные сведения. Я приведу здесь выдержку из тойской газеты «Минус» от 20 февраля 1937 г., которая содержит в себе информацию о секретном заседании так называемой планово-бюджетной комиссии. Денутат Исидра обратился с запросом к военному министру генералу Сулякину: «Известно ли ему и армии производимость Сибирской железной дороги». Министр ответил на этот вопрос положительно и сказал, что производимость Сибирской железной дороги им известна, что они имеют систематически сведения о производимости Сибирской железной дороги от имеющихся в России элементов, находящихся в оппозиции к нынешнему советскому правительству. Через них в Японию получают сведения о Сибирской железной дороге.

Вот они, эти элементы, вот они, эти лазутчики, разведчики, слуги империализма, торгующие интересами нашей страны. Вот они — агенты военного министра, собирающие свои силы на рубежах нашей страны для нападения на наши священные границы.

Бухарин, Томский, Рыков, Ягода собирались открыть фронт. Но и тут, как и везде, как и во всей своей предательской работе, они действовали как провокаторы. И это тоже не случайно, ибо это характеризует метод работы этих господ. Они готовятся открыть фронт, но они хотят так изобразить дело перед рабочими и крестьянами всей нашей страны, перед всем нашим народом, что фронт открыли не они, а кто-то другой, что они, наоборот, против открытия фронта, против измены: они даже сговаривались о том, как этих кто-то оторвать фронт, по их собственному приказанию, отдать под суд, чтобы сыграть, как принято выражаться Бухариным, на патристических лозунгах.

Игра разоблачена. Предательские маслы их лиц сорваны и сорваны раз и навсегда. Ни один из поименных не посмеет отрицать своей преступной работы в направлении подготовки поражения СССР и расчленения СССР.

Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого Бессонова.

Мы знаем, что троцкисты сумели под своей маской двуличия пролезть на целый ряд достаточно ответственных постов, на которых практически осуществлялась наша иностранная политика, Раковский, Крестинский, Корень и другие, бесконечно и им подобные — это же все люди, которые выполняли поручения и дело дипломатического представительства СССР во внешних сношениях. Этим между прочим, еще больше уступается их

вина и тяжесть их ответственности перед советским государством и советским народом.

Эти господа использовали свое должностное положение, — и так делал и Раковский, и Гринько, и Крестинский, — для того, чтобы сорвать дело мира, для того, чтобы принять все меры провокации возможных столкновений в угоду империалистам.

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки «право-троцкистского блока».

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти — естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии, как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдачи их в распоряжение иностранных империалистов.

Бухарин должен был здесь признать, что условия, на которых был заключен этот так называемый союз, — а это вовсе не «союз» (а это есть, и сущности говоря, хозяйско-приказничий договор) — этими условиями были: расчленение СССР, отторжение от СССР Украины, Приморья, Белоруссии. Я спросил Бухарина: «В пользу кого?» и он ответил: «В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти Англии». Это собственное признание Бухарина, от которого ему некуда уйти и от которого он не уйдет.

Троцкисты и правые действовали именно в соответствии с этим соглашением.

В антисоветском «право-троцкистском блоке» видное место занимали буржуазно-националистические группы, образованные в некоторых национальных республиках под прямым влиянием агентуры тех же иностранных разведок и под непосредственным руководством так называемого центра «право-троцкистского блока».

Изменники Гринько, Ходжаев, Шарангович, Икрамов — это прожженные, матерые контрреволюционеры разных мастей, с большим контрреволюционным стажем, от борыбистов, от «Милли истихад» и «Милли истихад» до «право-троцкистского блока».

Рыков уверял Ходжаева, что под руководством правых узбекская националистическая организация может добиться «независимости» Узбекской республики.

Вместе с Рыковым в этом же направлении действовал и Бухарин, восхвалявший по словам Ходжаева, германский фашизм, говоривший, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, и что возможно соглашение между Японией и Германией для борьбы с СССР.

Бухарин уговаривал Ходжаева найти пути и дороги к английской разведке через тех курбашки, о которых здесь показывал нам Ходжаев. Бухарин предлагал связаться с английскими кругами, кое-что пообещать Англии. Он говорил: «Не может Узбекистан с пятью миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами: с одной стороны Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу». И Бухарин толкает Ходжаева, достаточно впрочем подготовленного и самого по себе, для того, чтобы пристать к берегу буржуазной контрреволюции.

Бухарин в этом направлении обрабатывал и Икрамова, хотя Икрамов таков, что ему тоже палец в рот не клади. Бухарин гнал на Ленина, он говорил, что колониальные страны не могут прийти к социализму при поддержке пролетариата СССР.

Право-троцкистские и буржуазно-националистические изменники, в угоду своим капиталистическим хозяевам, хотели вернуть под капиталистическое ярмо освобожденные Великой социалистической революцией, ранее угнетавшиеся царизмом, помещиками и капиталистами — народы наших братских союзных республик. Не смея открыто сказать о своих предательских планах порабощения народов, поднятых на громадную высоту в результате ленинско-сталинской национальной политики, на высоту культурно-политического и экономического расцвета, — эти предатели практиковали свои предательские, лживые, обманливые лозунги и речи о независимости этих республик.

Будто есть другая страна в мире, кроме СССР, где была бы действительно обеспечена подлинная национальная независимость, подлинная и полная на-

циональная культура, подлинное процветание миллионов масс народов! Такой страны, кроме СССР, нет во всем мире. В то время, как в колониальных капиталистических странах — в Индии, Алжире, Тунисе, Марокко, как и в восточных странах, народы изнывают под тяжелым игмом капиталистического гнета, где все больше прогрессируют бед-

ность и нищета, вымирание масс от голода, где процветают сифилис, туберкулез, где все больше и больше процветает разорение и пауперизация, — в СССР, в его славных одиннадцати союзных республиках все больше и больше растет материальное благосостояние масс, все выше и выше поднимается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура, все радостней и ярче сверкает великими благостными лучами засиявшие над богатыми, необозримыми просторами этих республик новое социалистическое солнце, солнце неуязвимой славы братского нерушимого союза народов — Союза Советских Социалистических Республик.

Эта шайка изменников действовала уже известными, не раз вскрытыми судом, преступными методами: методом вредительства, диверсии, шпионажа, террора. Вредители, диверсанты, шпионы проникли в ряд отраслей и заняли там руководящее положение. Так было с Черновым, занимавшим высокий пост народного комиссара земледелия Союза, так было с Гринько, занимавшим высокий пост народного комиссара финансов СССР, так было с Розенгольцем, занимавшим высокий пост народного комиссара внешней торговли СССР, так было с Зеленским, бывшим председателем Центросоюза, так было еще в ряде других случаев. В руках этих преступников были, конечно, такие возможности самого широкого и в то же время самого замаскированного и самого опасного вредительства, какие редко бывают в руках преступников.

Преследуя свою основную цель — свержение советской власти, «право-троцкистский блок», — как это показало наше судебное следствие, — не остановился перед самыми грязными и самыми дичиными методами, чтобы подорвать доверие масс к органам советской власти, чтобы посеять среди населения недоверие советами и восстановить, по возможности, народ против советской власти.

Эта провокационная деятельность, проводимая каждым из обвиняемых там, где он работал, представляет собой громадную общеполитическую опасность. Об этом особенно свидетельствуют такие дела, как, например, упомянувшиеся здесь на суде деловые дела: бесчинства и беззакония, осуществлявшиеся по указке этого блока заговорщиками и преступниками, были направлены к тому, чтобы практикой беззаконных действий дискредитировать в глазах широчайших масс населения советскую власть.

Возьмите финансы. Основной установкой предателей в области финансов, — как это сформулировал Рыков, с согласия Бухарина, — было «ударить» по советскому правительству советским рублем». Это перефразировка старого троцкистского лозунга, который известен по другим процессам через Пятакова — «бить наиболее чувствительными средствами по наиболее чувствительным местам».

«Ударить по советскому правительству советским рублем», — вот директива, которая определяла всю деятельность Гринько, бывшего народным комиссаром финансов и в то же самое время действовавшего в качестве агента германской и польской разведок и подручного Бухарина и Рыкова. Именно эту директиву, это решение «блока» он старался провести в жизнь не за страх, а за совесть (хотя и растленную совесть).

В лице Гринько мы видим старого закоренелого врага советской власти, целиком и полностью продавшегося немецкой разведке, активно борющегося путем вредительства, диверсии, измены и террора против советской власти, за реставрацию капитализма.

Возьмите другого разведчика — Чернова, несомненно, «талантливого» человека, потому что он успел побывать за один только вечер у Дана и Кибриком, подражая с полицейскими, попасть в полицейский президент и сделаться немецким разведчиком.

Ничего тут невероятного, однако, нет. Так в жизни как раз и бывает с такими людьми, как Чернов. Это теперь у него вид более или менее свежий и здоровый. Заключенные ему в значительной степени помогли. На воле у него было иное лицо, иное лицо алкоголика, который больше пил, чем работал, это был человек, больной социальным недугом — алкоголизмом. И вот, по поручению правительства, он поехал за границу. Но одновременно берет на себя поручение «блока», который пользуется его случайной командировкой для того, чтобы направить его для организации связи с Даном. Попадает он к Дану и Кибрику. Дан и Кибрик — это ясно — немецкие разведчики. Это видно хотя бы из того, что тот разговор, который он вел с Даном и Кибриком, стал тут же известен разведке полицейского президента. Поехал он по поручению правительства, а оказался связанным с такими матерыми меньшевиками, как Дан и Кибрик, с ними он велет шашни. Это может стоить Чернову не только политической карьеры. И на это играет немецкая разведка. По поводу Чернова даже Рыков ездил, что Чернов в один вечер успел побывать в

политическом президиуме и попасть в разведку.

И вот Чернов действует по заданию немецкой разведки, и прямо говорит: «Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства». С тем, чтобы, как говорил Райндль, не дать лошадей для Красной Армии.

Конечно, кто же может это сделать, как не лицо, занимавшее такой высокий пост, как не Чернов? Кто еще мог организовать специальные фабрики для выработки заразных препаратов? Только он. И он это осуществлял. Он здесь сам сказал, что 25 тысяч лошадей погублено по его заданию. В таких краях, как Сибирь, было уничтожено большое количество лошадей. Вредители специально прививали рожу и чуму свиньям. Делали это и в Воронежской области, и в Азово-Черноморском крае, и в Ленинградской области.

Розенгольц тоже действует так, как это интересует немцев и японцев. Он заключает специально в интересах этих иностранных государств нефтяной договор. Он специально вредительски организует экспорт золотопроходов в интересах тех же государств, в прямое нарушение интересов своего Отечества. Он организует вредительский и преступный экспорт в Японию чугуна, чтобы этот чугун пошел как раз на те снаряды, которыми собирается японская военщина, если не бомбардировать, то, во всяком случае, пугать наше Отечество. Он всячески задерживает оборонный импорт. Он действует так, как ему приказала разведка, используя свое высокое положение, обманывая, предательски-вероломно изменяя своему государственному долгу.

Икрамов вместе с Ходжаевым не отстает во вредительстве от своих центральных «коллег». Он сам показывал здесь о вредительстве на Мингале, о вредительстве на шелкомотальных фабриках, на хлопкоочистительных заводах, о вредительстве в организации хлопкового хозяйства. По их показаниям, в организации этой вредительской подрывной работы роль Рыкова и Бухарина была совершенно отчетливой — роль, которую можно назвать руководящей.

Зеленский. Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбора сыновей в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что было по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле! Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется,

Убийство деятелей советского государства С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького

Я перехожу теперь к следующему разделу, а именно — к террористической деятельности обвиняемых и задуманным и осуществленным ими убийствам деятелей советского государства: убийствам С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и к убийству М. А. Пешкова.

Это один из наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса. Как Рыков мотивировал переход своей подпольной группы к террору? Очень откровенно. Он говорил: «При негальном, заговорническом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти, принятие террора давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

Смертельным холодом и смрадом веет от этих показаний Рыкова и других право-троцкистских фашистских заговорщиков.

Бухарин тоже стоял за террор, хотя, как он заявлял, ориентировался скорее не на террор, а на массовые восстания. Ну, как он там ориентировался, это его дело объяснять, но мы знаем, что он очень давно, — сейчас это надо считать полностью доказанным, — принимал участие еще в 1918 году в организации террористических актов и Каплан, и «левых» эсеров, и троцкистов, и правых эсеров. Он сам говорит полным голосом о том, что затем в 1932 году он ведет

дерзкую культуру, все радостней и ярче сверкает великими благостными лучами засиявшие над богатыми, необозримыми просторами этих республик новое социалистическое солнце, солнце неуязвимой славы братского нерушимого союза народов — Союза Советских Социалистических Республик.

Организуя вредительство, все эти рыковы и бухарины, ягоды и гринько, розенгольцы и черновы и т. д. и т. п. преследовали в этой области определенную цель попортить задумку социалистическую революцию костлявой рукой голода. Не удалось и никогда не удастся!

Шарангович разводит анекдот лошадей — падают 30 тысяч лошадей. Шарангович подрывает торгую промышленность. Шарангович сознательно свел национальную рознь, разрывая националистические чувства среди белорусского населения.

Иванов разрушает заводы, разрушает целлюлозно-бумажную промышленность, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которыми «право-троцкистский блок» хотел передать лесное хозяйство и на которых работал в меру сил своих и возможности «врастания в социализм».

И к этому добавляется организация прямых и открытых вооруженных выступлений против советской власти. Бухарин посылает вместе с Рыковым Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко — в Сибирь, которые и вызывают там повстанческое движение, связываются с казачьими белогвардейскими кругами за границей, готовят казачий десант на Северном Кавказе. Рыков с Зубаревым организуют на Урале повстанческие отряды. Икрамов с Ходжаевым организуют повстанческие отряды под руководством тех же Бухарина, Рыкова и других в Средней Азии из мулл, баев, всякого рода деклассированных элементов. Даже Иванов в Северном крае и тот работает над организацией повстанческих отрядов, по прямому поручению Бухарина, из высланных кулаков, — очевидно, таким путем Бухарин и хотел обеспечить кулакам возможность «врастания в социализм».

Убийство деятелей советского государства С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького

переговоры с бывшим эсером Семеновым, организатором террористических актов и руководителем боевых эсеровских дружин, ведет переговоры об организации террористической борьбы против товарища Сталина и товарища Кагановича. В 1932 году Бухарин через Пятакова и Седова ведет переговоры о том условии, директиве или, как он называет, установке Троцкого, которая заключалась в необходимости перейти к террору. Заговорнический блок широко развертывает организацию террористических групп, которые практически готовят совершение террористических актов, убийство Кирова. Это убийство было полностью раскрыто и разоблачено на предыдущем процессе, но только теперь установлено, что деятельность троцкистско-зюновского центра, убившего Сергея Мироновича Кирова, не носила самостоятельного характера. Теперь установлено, что Киров был убит по постановлению вот этого именно «право-троцкистского» центра, вот этого блока, который можно назвать центром всех центров.

Обвиняемый Ягода подтвердил на суде, что убийство Кирова совершено по прямому решению «право-троцкистского блока», что это решение осуществлено было Ягодой, на которого и была возложена эта позорная обязанность.

(Продолжение на 5-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Речь государственного обвинителя—прокурора Союза ССР товарища А. Я. Вышинского

(Продолжение. Начало на 2, 3, 4 стр.)

Ягода подтвердил на суде, что Рыков и Бухарин участвовали в принятии этого решения; что Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве С. М. Кирова; что Рыков и Енукидзе принимали, таким образом, непосредственное участие в обсуждении самого вопроса об убийстве Сергея Мироновича Кирова. На мой прямой вопрос, правду ли здесь говорят Бухарин и Рыков, заявляя, что они не знают об этом убийстве, Ягода заявил, что этого быть не может, потому что, когда Енукидзе передавал о том, что „право-троцкистский блок“ на совместном заседании решил вопрос о совершении террористического акта над Кировым,—он, Ягода, отказывался от этого по некоторым „тактическим“ конспиративным соображениям, но все же был осведомлен, что это—решение их центра, а не выступление какой-то партизанской кучки заговорщиков, что это решение исходило от „право-троцкистского блока“, в котором активное участие принимали и Бухарин и Рыков.

Сейчас в точности установлено, что убийство тов. Кирова было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина.

Но убийством Кирова не ограничивается, как это установлено судебным следствием, террористическая деятельность право-троцкистских изменников и заговорщиков.

Как установлено следствием, Алексей Максимович Горький, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Валерий Владимирович Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию этого же „право-троцкистского блока“. Пал жертвой убийства и сын А. М. Горького—М. Пешков.

Ягода по этому вопросу дал такие показания:

„Я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра „право-троцкистского блока“. По решению этого же центра были произведены террористические акты и умышленны Куйбышев, Менжинский и Горький“.

Это же подтвердили и те лица, которые непосредственно принимали участие в этом убийстве. Подлый замысел шефа убийц—Ягоды был осуществлен самым вероломным, подлым и извустным способом. Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного следствия, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер.

Он говорит, что по этому вопросу было специальное решение центра, переданное ему Енукидзе. Здесь было предусмотрено использование врачей, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Как мы видим, Ягода—не простой убийца. Это—убийца с гарантией на неразоблачение. Его предложение, однако и здесь не оправдалось. Гарантия оказалась гнилой, она провалилась. Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направил против интересов советского государства и нашей революционной изменник Ягода, а разоблачены той настоящей, подлинно-большевистской разведкой, которой руководит один из замечательнейших сталинских сподвижников—Николай Иванович Ежов.

Енукидзе и Ягода беседуют на тему, как лучше с точки зрения тех гарантий, которые искал Ягода, отправить на тот свет Менжинского и избранные им другие жертвы. Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни, или как он здесь на суде сказал: „Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова“.

Ягода стоял на высоте техники умышленного убийства самыми коварными способами. Он представлял собой последнее слово бандастской „науки“, перекрыв целый ряд других преступников, которые не понимали этих далеко и глубоко идущих преступных замыслов Ягоды: „Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, —говорит Ягода,—что прямой террористический акт может про-

валить не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умышленен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себе троцкисты и зинovieвцы, а наше дело—не мешать“.

Что касается безопасного способа умышленного убийства при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь“.

Можно ли идти дальше в этом беспредельном цинизме и коварстве, когда с омерзительным спокойствием и хладнокровием люди обсуждали, кого лучше убить из руководителей партии и правительства и каким способом, чтобы избежать своего разоблачения.

Ягода дальше говорил:

„Через несколько времени, при следующей встрече со мной с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким. Енукидзе мне объяснил, что „право-троцкистский блок“, имея в виду, как ближайшую перспективу свержение советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру, у Горького—непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков“.

Вот почему был поставлен вопрос, решенный окончательно этим блоком, об умышленном убийстве Максимовича Горького.

Еще одно решение об устранении пало на Валерия Владимировича Куйбышева как на одного из активных членов ленинско-сталинского Политбюро.

Таким образом, за этот короткий срок три жертвы, три преждевременные погибших замечательных человека сошли в могилу по решению „право-троцкистского блока“. Трое лучших людей нашей страны, преданные сыны своей родины, пали жертвой бесстыдного заговора предателей. И среди них—гордость русской и мировой литературы—великий русский писатель, гениальный художник Алексей Максимович Горький.

Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных действий. Недаром он свою жизнь связал с великим Лениным и великим Сталиным, как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький—громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький—безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чуял грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в больное сердце великого человека погубил лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких и сильных светильников человеческого разума и человеческой красоты. Этот светильник загасили вот эти изменники, вот эти человекообразные звери, хладнокровно и предательски навеки остановившие горячее и благородное сердце великого человека.

Теперь все раскрыто. Теперь известны не только способы убийств, но их мотивы, и самые убийцы. Бессонов говорит, что когда он в июле 1934 года виделся в Париже с Троцким, который всегда злобно ненавидел Горького, как и Горький ненавидел обер-бандита международного шпионажа и предательства Троцкого, тогда Троцкий сказал, что Горького надо устранить во что бы то ни стало, что Горький широко популярен как ближайший друг Сталина, как проводник генеральной линии партии. Троцкий дал Бессонову прямое поручение, которое приказал передать Пятакову. Как говорит Бессонов, поручение это было дано в самой категорической форме: Горького уничтожить физически во что бы то ни стало. И это приказание врага народа и обер-бандита Троцкого было Бессоновым привезено сюда, в СССР, и передано Пятакову, передаю блоку, который, как это показал Ягода и как это я докажу дальше,

принял это поручение, принял решение об убийстве А. М. Горького.

Это так чудовищно, что на этом я считаю необходимым остановиться особо и специально.

Первый вопрос, который я хотел бы здесь поставить, это вопрос о том, участвовали ли в этом деле Рыков и Бухарин, знали ли они о том, что готовится это чудовищное злодеяние. На этот вопрос я отвечаю без колебаний и твердо: да, знали, да, участвовали. Я не хочу оперировать никакими другими показаниями и, в частности показаниями Ягоды,—я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей. Как обстоит здесь дело? Вы посмотрите, что говорит по этому поводу Рыков. Рыков показал, что у него, у Рыкова, имел место разговор с Енукидзе, т. е. с одним из активнейших участников и организаторов заговорщического блока. Насколько он был активным в организации убийств, у нас имеется показание Максимовича Диковского. Енукидзе не раз вызывал его к себе и давал указания, как лучше обеспечить смерть Валерия Владимировича Куйбышева. Енукидзе занимался этим „делом“ вместе с Ягодой. Вот с этим Енукидзе Рыков ведет разговор—о чем? Возьмем только то, что сказал сам Рыков: „Мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зинovieвцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным „сторонником Сталина“ и генеральной линией партии“. Это то же самое, что услышал Бессонов от Троцкого в 1934 году и что привез сюда осенью 1934 года и передал воротилам, руководителям, главарям этого блока.

Я считаю совершенно доказанными и установленными следующие факты, из которых вытекает только один вывод—вывод об участии Рыкова в подготовке умышленного убийства А. М. Горького. Во-первых, в 1935 году Енукидзе и Рыков говорили об особом озлоблении, которое питает блок к Алексею Максимовичу Горькому. Правда, они оборачивают дело на троцкистско-зиновьевскую часть блока, однако это не меняет ни в какой мере дела. Во-вторых, они это злобное настроение выражали в таких тонах, которые говорили о подготовке насильственных мер, направленных к „ликвидации политической активности“ Горького. И, в-третьих, ликвидация политической активности Горького мыслилась вплоть до применения к Горькому насильственных мер.

В-четвертых, эти насильственные меры включали в себя и убийство Алексея Максимовича Горького. Об этих насильственных мерах Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовится убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были таким образом участниками этого подлого убийства А. М. Горького.

А Бухарин, эта проклятая пометь лисы и свиньи,—как он ведет себя по этому вопросу? Как подбавляет лисе и свинье. Он вертит, юлит. Но в конце концов, по существу, Бухарин говорит то самое, что говорит Рыков. Возьмем показания Бухарина в этой части. Позвольте мне указать на следующую часть этого показания: „В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького“.

Откуда знал Томский об этом? Он знал, конечно, от Бессонова, привезшего эту директиву из-за границы. А какая была директива Троцкого? Уничтожить Горького, физически уничтожить. Бухарин доказывает: „Томский сказал, что Троцкий готовит враждебную акцию или враждебный акт против Горького“.

Я спрашиваю: через кого готовит Троцкий эту враждебную акцию? Конечно, через блок, который был в руках у Троцкого через блок в котором перепутались правые и троцкисты, меньшевики и эсеры, буржуазные националисты и просто проходившие всех мастей, степеней и категорий.

Этот факт установлен. Сам Бухарин признает, что в 1935 году, за год до смерти Горького, Томский сообщил Бухарину, что Троцкий готовит враждебный акт против Горького. Это совершенно то самое, что говорил Рыков, передавая свой разговор с Енукидзе. А это, в свою очередь, то же самое, что говорил Бессонов, приводя свой разговор в Париже в июле 1934 года с Троцким. Здесь никаких расхождений нет.

Мы знаем, как ставился вопрос заговорщиками о борьбе против

советской власти. Их методы—террор, измена и т. д.

Бухарин говорит, что, когда говорят о враждебном акте, можно разумеет все, вплоть до террористических актов, амплитуда колебаний здесь очень большая. Бухарин признает, что убийство Горького тогда не было исключено. Это—завуалированное признание, которое выдает Бухарина с головой.

Я уже говорил о способах, при помощи которых были осуществлены три террористических акта—против Менжинского, против Куйбышева и против Алексея Максимовича Горького.

Обращает на себя внимание способ, при помощи которого эти убийства совершены. Это—способ постепенного умерщвления, „убийства с гарантией“, о котором говорил Ягода,—это способ убийства при помощи использования специальных знаний соучастников. Не плохо задумано! Левин, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков, Буланов—банда убийц, специально подготовленная банда, участвовала в этом „деле“. Я хочу обратить внимание на особенный способ и особенную роль в осуществлении этого убийства, которую сыграли обвиняемые врачи—Левин, Казаков и Плетнев. Но предвзвешенно я хочу остановиться на нескольких замечаниях. История и хроника уголовных убийств нам говорят, что за последние десятилетия отравления при помощи профессиональных убийц почти сошли со сцены.

Место этих отравителей заняли врачи. Если вы раскроете учебник судебной медицины доктора Карла Эммерта, профессора бернского университета, вы найдете здесь чрезвычайно поучительные указания. Эммерт пишет:

„Убийства посредством отравления стали теперь реже сравнительно с прежним, отчасти потому, что для не врача стало труднее добыть яд. Поэтому профессиональных отравителей больше не встречается, как прежде. Если же и бывают подобные случаи, то они часто относятся к лицам врачебного сословия“.

Поэтому совершенно не случайно, что Ягода избирает для своего чудовищного замысла и его реализации именно врачей. Он учитывает, так сказать, историческую конъюнктуру.

Я, наконец, должен сказать, что именно в этом плане был задуман преступниками-убийцами террористический акт против Николая Ивановича Ежова. Ведь это убийство тоже было задумано довольно тонко—при помощи отравления воздуха, которым должен был дышать в своем служебном кабинете Николай Иванович Ежов, отравление воздуха ртутью, растворенной в кислоте. Причем Ягода предупредил—ни в коем случае не в серной кислоте, потому что серная кислота оставляет след и может сжечь те самые шторы и гардины, которые надо было по указанию Ягоды пропитать для того, чтобы, вдыхая этот воздух, мог погибнуть Николай Иванович Ежов.

Я хочу, товарищи судьи, напомнить несколько данных экспертизы по этому вопросу, которые не оставляют никакого сомнения в том, что этот план, очень тонкий, вероломный и подлый задуман Ягодой с ведома и одобрения право-троцкистского центра, в особенности в отношении Куйбышева, Горького и Николая Ивановича Ежова, которого они хотели устранить для того, чтобы оставаться не разоблаченными.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, что экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и мировой медицинской науки. Я обращаю ваше внимание, что эта экспертиза пришла к единодушному заключению: экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А. М. Горького, В. В. Куйбышева, Менжинского, действительно были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей, к которой эти господа стремились.

Поэтому я позволю себе заявить, что обвинения, предъявленные в обвинительном заключении и поддерживаемые мною, как государственными обвинителем, и в этой части в полном объеме можно считать доказанными.

Говоря об этой части обвинения, я хочу остановиться специально на двух подсудимых—на Ягоде и Левине.

О Ягоде разговор короткий. Ягода—главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода—не просто Ягода, это быв-

ший в то время заместителем председателя ОГПУ, фактически председателем ОГПУ. Это человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те преступления, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды.

Левин сыграл в этих убийствах тоже виднейшую роль. Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков, и Плетнев, он, я бы сказал, в этом деле был правой рукой Ягоды, как Буланов был правой рукой Ягоды во всех преступлениях последнего в целом.

Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог—„Последние дни Алексея Максимовича Горького“. В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. „Великие люди,—писал он фарисейски, лицемерно, двурушнически,—живут и умирают, как великие люди“. „Живут и умирают, как великие люди!“—Левин не добавил,—„от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц“!

Позорное двурушничество, вероломство, лицемерие здесь соперничает с бесстыдством отравителя, плачущего у изголовья жертвы его так называемого „лечения“.

Таков этот самый Левин! Недалеко ушел от Ягоды!

Я хотел бы напомнить вам в заключение показание Ягоды, в котором он показывает свое настоящее морально-человеческое, если это выражение здесь допустимо, лицо.

Вот выдержки из показания Ягоды на листе дела 58:

„Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был“.

— И дальше:

„Мелко-буржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки,—все это, с самого начала организации советской власти, создало у меня неверие в окончательную победу дела партии“.

„...поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых“.

Оказывается, Рыков влиял достаточно определенно даже на Ягоду. Ведь, в сущности говоря, то, что говорил Ягода—это старая предательская двурушническая школа политического карьериста и бесчестного негодая, ведь это система Жозефа Фуше.

„В числе 750, торжественно вступающих в зал развенчанного короля, входит молча, с трехцветной повязкой поперек груди, народный представитель Жозеф Фуше, депутат от города Наанта. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено: как и все здесь, он надел гражданское платье без всяких украшений“.

Какое место займет Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше не долго медлит; он признает только одну партию, которой остается верным до конца: ту, которая сильнее, партию большинства. И на этот раз он взвешивает и подчиняется себе голосу; он видит—в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. И вот он садится на их скамьи, рядом с Кондлером, Роланом, Серваном, с теми, кто держит в своих руках министерские посты, влияет на все назначения и распределяет прибыли. В их среде он чувствует себя уверенным, там занимает он место“.

Вот источник, из которого черпал свои духовные силы Ягода, если он когда-нибудь был знаком с жизнью и деятельностью Жозефа Фуше,—я в этом сомневаюсь, ибо из показаний и материалов дела видно только одно знакомство его с литературой, это—с книгой Александра Дюма „Три мушкетера“, которые были идеалом для Ягоды, говорившего, как это видно из показаний Буланова, что для того, чтобы обеспечить успех захвата власти, нужно подобрать себе несколько десятков таких молодцов, как три мушкетера, с ними можно сделать все, что угодно.

(Окончание на 6-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ—ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

(Окончание. Начало на 2, 3, 4, 5 стр.)

Таков Ягода, которому на скамье подсудимых отведен не серьезное место, рядом с Бухариным и Рыковым. Это — один из крупнейших заговорщиков, од из виднейших врагов советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовать ее из изменников — Паукера, Воловича, Гая, Винского и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким являлся и сам Ягода,

Юридические вопросы

Я кончаю. В заключение я хочу поставить несколько вопросов, которые бы я назвал юридическими вопросами.

Раньше всего — вопрос о соучастии. Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в преступлении, которые прошли на этом судебном процессе.

Отсюда вопрос в какой мере и в какой степени каждый из обвиняемых может и должен отвечать за предъявленные им обвинения по обвинительному заключению.

Второй вопрос — в какой мере и степени доказаны предъявленные подсудимым обвинения.

И третий вопрос — каково наказание заслуживают обвиняемые.

Я отвечу раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли, и в какой степени совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, показаниями свидетелей, прошедшими перед судом, доказаны заключениями медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления.

Во-вторых, в какой мере каждый из подсудимых должен по нашему закону отвечать за всю совокупность совершенных этой заговорщической бандой преступлений. Я на этот вопрос отвечаю: в полном объеме. Почему?

Каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений, как член заговорщической организации, преступные задачи и цели, преступные методы осуществления которых были каждому из них известны, каждым одобренны и приняты. Здесь мы наблюдаем лишь своеобразное „разделение труда“ в преступной деятельности, в зависимости от специальных качеств и средств, находящихся в распоряжении каждого участника банды. Это совершенно естественно и закономерно с точки зрения интересов всего заговора в целом.

В этом деле, товарищи судьи, наличие заговорщической группы, агентства иностранных разведок, объединенная общей для всех ее членов волей, единой для них всех преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или другими преступниками, это — лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности.

Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении по ст. 58-11 УК РСФСР.

Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково. Это не исключает обязанности суда индивидуализировать наказание в зависимости от конкретной роли каждого подсудимого в данном деле.

Заключение

Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю, я, еще какие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой эти чудовища.

Народ наш и все честные люди всего мира ждут нашего справедливого приговора. Пусть же ваш приговор прогласит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам и к новым победам! Пусть прогласит наш приговор, как осуждающая и всеочищающая проза справедливого советского наказания!

Вся наша страна, от малого до великого, ждет и вперед к коммунизму.

который вместо того, чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма.

Не удалось, сорвалось! Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни.

С этой точки зрения я считаю, что из общего числа обвиняемых надлежит выделить двух — это Раковского и Бессонова. Я считаю, что Раковский, хотя и совершивший титанические преступления против советского государства, против советской власти, всем своим положением в этом заговоре, своей, если можно так выразиться, известной рода оторванностью от всех важнейших, совершенных «право-троцкистским блоком» преступлений, заслуживает того, чтобы к нему была применена менее строгая мера наказания, чем к остальным обвиняемым.

То же самое можно сказать в известной мере и о Бессонове, который, конечно, отличается от Чернова, Розенгольца, Крестинского или Рыкова, хотя бы тем, что его роль ограничивалась ролью связиста, которая, хотя также преступна, но по своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу.

В отношении этих лиц я считал бы возможным применение закона от 2 октября 1937 года, позволяющего суду в особых случаях избирать меру наказания среднюю между десятилетиями лишения свободы и высшей мерой социальной защиты. Я считаю, что в отношении Раковского и Бессонова можно ограничиться двенадцатью годами тюремного заключения.

По обвинительному заключению все обвиняемые обвинены в том, что в 1932-1933 годах они по заданию разведки иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью совершение преступлений, которые были здесь полностью доказаны.

Доказано, что этот блок состоял из агентов разведки некоторых иностранных государств. Доказано, что «право-троцкистский блок» поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжал их разведкой важнейшими государственными секретными материалами. Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически осуществлял в этих же целях вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства, — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и т. д.

Доказано, что «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, что этот «право-троцкистский блок» осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, а также осуществил умышленное убийство М. А. Пешкова.

Доказано, что блок организовал, но не унес, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства.

Таковы обстоятельства настоящего дела. Такова роль в этом деле каждого из подсудимых, оказавшихся сейчас, товарищи судьи, вашим приговором.

рога, ждет и требует одного: изменника и шпиона, продавшего врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требуем наш народ одного: раздавить проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, попрежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем попрежнему платить по очищенной от последней нечисти и мерзости пропаго, дороге во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед к коммунизму.

Допрос подсудимого Казакова

(Окончание. Начало см. „Кузбасс“ за 13 марта)

И только невежественный человек мог допустить дачу препаратов мозгового слоя надпочечников при комбинации этих болезней.

Вышинский. Невежественный или же?

Казаков. Или же с заранее обдуманными целями.

Вышинский. С преступными целями?

Казаков. Да.

Вышинский. А может быть здесь налицо были и невежественность и преступление?

Казаков. Нет, здесь было чистое преступление. Постепенно включались одни препараты и выключались другие. Поэтому я не знаю, могли ли сами эти препараты дать тот эффект, который должны были дать. Надо было еще включить ряд сердечных лекарственных веществ — дигиталис, адонис, строфант, которые заставляли сердце энергично работать. Введение этих лекарств проводилось в таком порядке: давались лизаты, потом был перерыв в лечении лизатами, затем давались сердечные лекарства. В результате такого «лечения» наступила огромная слабость, и Менжинский скончался с 9 на 10 мая.

Я знаю, что вы меня спросите, почему я не сообщил об этом преступлении советским органам. Ягода держал меня под сугубым наблюдением. Это я знал, это я чувствовал.

Вы меня спросите, вероятно, какие же мотивы, объясняют мое молчание? Я должен сказать — мотивы неизменного страха. Ягода занимал высокий пост. И второй момент: в санчасти находилось большинство врачей моих научных противников. Я думал, что может быть наступит момент, когда я сумею свободно работать, может быть Ягода сумеет остановить их.

Вышинский. В награду за ваше преступление?

Казаков. Да.

Вышинский. Вы говорите, что у вас были соображения чисто карьеристского порядка. Против вас была настроена медицинская наука, и вы рассчитывали устранить ваших противников?

Казаков. То-есть нейтрализовать и дать мне свободно работать или же сдерживать их.

Вышинский. И вы тогда будете вести научные работы?

Казаков. То-есть я буду свободно работать.

Вышинский. А до сих пор работали ли свободно в нашей стране?

Казаков. В тот период я с большим упреждением работал.

Вышинский. Это ваше личное переживание потому, что оспаривалось значение вашей научной работы. Но я спрашиваю, государство обеспечило все возможности вашей научной работы?

Казаков. Государство мне обеспечило полностью, но среда...

Вышинский. Погодите. Советским государством был дан вам институт?

Казаков. Да.

Вышинский. Большой или маленький?

Казаков. Лучший институт в Союзе.

Вышинский. Средства были даны?

Казаков. Да.

Вышинский. Какие средства?

Казаков. Большие.

Вышинский. Большие, гигантские. Как же вы осмеливаетесь говорить то, что вы сейчас сказали? Вы и здесь думаете клеветать. Продолжайте ваши обвинения.

Казаков. Суд для меня является сейчас тем моментом, когда я могу честно рассказать о всем случившемся и, прежде всего, внутренне освободиться от сознания совершенного преступления.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вашу формулу номер два, при помощи которой вы погубили Менжинского? Вот этот лизат печени?

Казаков. Лизат печени необходим при бронхальной астме, при грудной жабе...

Вышинский. Лизат щитовидной железы?

Казаков. Необходим при бронхальной астме, и противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат щитовидной железы? Противопоказан при грудной жабе.

Казаков. Противопоказан.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты в каких целях?

Казаков. В преступных целях.

Вышинский. В целях убийства?

Казаков. Да, да.

Вышинский. Кто контролировал ваши репенты?

Казаков. Никто не контролировал.

Вышинский. Я прошу экспертизу ответить на вопрос, был ли какой-нибудь контроль за лизатами Казакова или он мог дать тут все что хотел? Я прошу экспертизу ответить и на вопрос, сыграли ли роль эти три лизата в преступном отравлении Менжинского?

Председательствующий Ульрих. У защиты есть вопросы?

Защитник Коммодов. При вашем свидании с Ягодой в ноябре 1933 года он потребовал определенного метода лечения или определенных результатов?

Казаков. Он потребовал такого метода лечения, который ускорил бы смерть Менжинского.

Защитник Коммодов. Как вы поняли, что нужно было Ягоде?

Казаков. Ягоде нужно было скорее освободиться от Менжинского.

Защитник Коммодов. Скорейшая смерть Менжинского? И вы дали согласие действовать именно в этом направлении?

Казаков. Да.

Защитник Коммодов. Как скоро наступила смерть Менжинского после разговора с Ягодой?

Казаков. Через 6 месяцев. Этот разговор был 6 ноября 1933 года, а смерть наступила 10 мая 1934 года.

Вышинский (к Казакову). На вопрос защитника тов. Коммодова вы сказали, что Ягода было безразлично, как вы «лечите» Менжинского, ему нужен был только результат, т. е. смерть?

Казаков. Ягода за мной следил через Левина.

Вышинский. Левин контролировал ваши лизаты?

Казаков. Нет он не контролировал, а устанавливал состояние здоровья

Менжинского и отсюда он контролировал реализацию нашего преступного плана.

Вышинский (к суду). Позвольте спросить подсудимого Левина по этому вопросу.

Левин. Я не мог контролировать лизаты, потому что я никогда не верил в метод лечения Казакова.

Вышинский. Почему вы не верили в этот метод, вы считали, что это шарлатанство?

Левин. Я считал это авантюризмом. Никто не знал, как Казаков приготовлял лизаты.

Вышинский. Контролировать их можно было?

Левин. Очень трудно. Он приезжал всегда со своим чемоданчиком и там были какие-то ампулы.

Вышинский. А если бы он хотел изготовить их плохо?

Левин. Он имел к тому все возможности.

Вышинский. Подсудимый Казаков, я спрашиваю вас, могли бы вы Ягоду провести в этом деле, т. е. представить дело так — делаю все, чтобы умертвить, но не выхожу, организм жизнеспособный, борется? Такая постановка вопроса возможна или нет? (Казаков молчит). Или вы хотели того же результата, которого хотел и Ягода, потому что рассчитывали, что может быть вам Ягода тоже потом пригодится в борьбе за вашу так называемую научную карьеру? Вы понимаете мой вопрос? (Казаков молчит).

Если вы поставили вопрос личного вашего благополучия выше жизни руководителей нашей партии и правительства, выше интересов советского государства если вы так низко пали, то не могли ли вы найти последнее убежище в том, чтобы провести Ягоду — сказать: я делаю, стараюсь, чтобы был смертельный результат, но не выходит это? Могли или не могли?

Казаков. Мог бы. Я должен сейчас

Ответ медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем

Вопрос: Был ли какой-либо контроль и мог ли быть этот контроль при приготовлении лизатов И. Н. Казаковым?

Ответ: Никакого контроля не было и быть не могло, ибо в то время (в 1933 и первой половине 1934 года — время лечения Казаковым покойного товарища Менжинского) метод приготовления лизатов, был Казаковым абсолютно засекречен.

Вопрос: Сыграло ли решающую роль применение Казаковым лизатов щитовидной железы, щитовидной железы и мозгового слоя надпочечников в ухудшении состояния здоровья товарища В. Р. Менжинского?

Ответ: Применение указанных выше лизатов (щитовидной железы, щитовидной железы и мозгового слоя надпочечников) при тяжелом сердечном заболевании, которым страдал покойный В. Р. Менжинский, было недопустимо и этого не мог не знать И. Н. Казаков.

Вредные действия этих лизатов в данном конкретном случае усугублялись тем обстоятельством, что В. Р. Менжинскому в течение длительного времени одновременно применялись препараты наперстянки, действие которых под влиянием лизатов безусловно усиливалось.

Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В. Р. Менжинского и тем самым к ускорению

сказать, что эти три лизата являются противопоказанными при грудной жабе, но если сейчас выберем любого больного с грудной жабой, и введем эти три лизата они не вызовут смерти, даже адреналин дается...

Вышинский. Значит, что выходит?

Казаков. Значит, выходит, что я рассчитывал, но я не убил.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты для чего? Для того чтобы убить Менжинского?

Казаков. (Молчит).

Вышинский. Вы вводили лизаты в этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступным планам?

Казаков. Видите ли, лизаты имеют двойное действие...

Вышинский. Это мы знаем, какое действие ваши лизаты могут иметь. Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата были безвредны для Менжинского?

Казаков. Да, эти три лизата были безвредны.

Вышинский. А могли ли вы провести Ягоду?

Казаков. (Молчит).

Вышинский. Ввиду невозможности получить прямой ответ на этот ясный вопрос, я прошу суд превратить заседание и дать возможность экспертизе ответить на вопрос, поставленный мною Казакову.

Председательствующий Ульрих (к экспертам). Можете вы сейчас ответить?

Эксперты. Нет, мы просим после перерыва.

Председательствующий Ульрих. Объявляется перерыв на полчаса.

...

Председательствующий Ульрих (после перерыва). Экспертиза может дать заключение по дополнительным вопросам прокурора?

Эксперт проф. Бурмин. Да, она готова (зачитывает).

наступления его смерти.

Эксперты:

Заслуженный деятель науки профессор Д. А. Бурмин.

Заслуженный деятель науки — профессор Н. А. Шерешевский.

Профессор — В. Н. Виноградов.

Профессор — Д. М. Российский.

Доктор медицинских наук — В. Д. Зиполов.

9 марта 1938 года.

Г. Москва.

Вышинский. Я прошу разрешения огласить показания подсудимого Казакова, имеющиеся в т. номер 19 на листах 68 и 69, где он изложил содержание формулы номер два и показал следующие: «Поскольку в эту формулу входили уже три симпатикотропных лизата — лизат щитовидной железы, мозгового слоя надпочечников и щитовидной железы, причем при повышенной дозе приема внутрь, процесс ослабления и истощения запасных сил большого сердца Менжинского, вследствие усиленной работы, вызваны комбинацией лизатов, и сердечных лекарств, начал резко нарастать, в ночь с 9 на 10 мая Менжинский скончался при явлениях упадка сердечной деятельности».

Подсудимый Казаков, вы и сейчас согласны с тем показанием, которое вам было дано раньше?

Казаков. Согласен и подтверждаю полностью.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПРОЦЕССА

Утреннее заседание Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР 12 марта открывается в 11 часов. Суд заслушивает последние слова подсудимых.

До дневного перерыва суд выслушал последние слова подсудимых: Иванова, Крестинского, Зубарева, Рыкова, Шаранговича, Ходякова, Зеленского, Икрамова, Раковского, Розенгольца.

На вечернем заседании суд выслушал последние слова подсудимых: Бухарина, Левина, Буланова, Ягоды, Кривошова.

ТОВ. ДМИТРИЕВ РЕАБИЛИТИРОВАН

Тов. Дмитриев Д. Д. в 1937 году был переправлен из Губахи (Урал) в Кемерово на должность директора коксохимического завода. Еще в Губахе, в 1936 году т. Дмитриев исключался Кизеловским райкомом ВКП(б) из партии, якобы «за связь с врагами народа и покровительство им», но впоследствии был восстановлен, так как материалы оказались необоснованными, клеветническими.

В июле 1937 года вопрос о партийности тов. Дмитриева по тем же материалам был поднят вновь. 10 июля Кемеровский ГК, во главе которого в то время находились враги народа Рытвев и Ближний, исключил Дмитриева из партии, как «двурушника, как че-

ловца, оросившего врагами народа — троцкистами».

Клеветнический материал т. Дмитриева был направлен в редакцию газеты «Кузбасс» для опубликования. Редакция не провела соответствующей проверки, и 23 июля в газете «Кузбасс» в статье «Враг народа разоблачен», еще раз т. Дмитриеву приписывается клеймо «двурушника» и «врага народа».

В течение 7 месяцев тов. Дмитриев вынужден был носить клеймо «враг народа». 11 февраля 1938 года бюро Новосибирского обкома ВКП(б) отменило решение Кемеровского горкома комитета партии, как необоснованное. Сейчас тов. Дмитриев реабилитирован и в правах члена партии восстановлен.

ИЗВЕЩЕНИЕ

16 марта 1938 года, с 5 часов вечера, в малом зале Дворца труда, горсовет проводит совещание по ликвидации неграмотности.

На совещание приглашаются: председатели депутатских групп, уличных и барачных комитетов, профорганизаций, советов жен ИТР, промартелей города, руководители предприятий и уч-

реждений, директора и заведующие школами (в том числе и школами взрослых), директора гортеатра, кинотеатра, цирка, клубов и заведующие библиотеками.

ГОРСОВЕТ.

Отв. редактор А. Ф. ВОЛОСТНЫХ.

Заказ № 75.

Тираж 14.000.